
РЕЦЕНЗИИ

**МЕЖДУ ДВУХ КУЛЬТУР:
КЛЯУС В. Л. “РУССКОЕ ТРЁХРЕЧЬЕ” МАНЬЧЖУРИИ:
ОЧЕРКИ ФОЛЬКЛОРА И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ.
М.: ИМЛИ РАН, 2015. 384 с.**

**BETWEEN TWO CULTURES:
VLADIMIR L.KLYAUS. “THE RUSSIAN THREE RIVERS DISTRICT” OF
MANCHURIA: ESSAYS IN FOLKLORE AND TRADITIONAL CULTURE. M.: IMLI
(THE GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE OF THE RAS), 2015. 384 p.**

“Так хочется быть русским...”

(из интервью с жителем г. Эргуна, Внутренняя Монголия, КНР, полукровцем)

Книга В.Л.Кляуса «“Русское Трёхречье” Маньчжурии», вышедшая в конце 2015 г. в издательстве ИМЛИ РАН, давно ожидалась. Начиная с 2007 г. автор регулярно ездил в Русское Трёхречье, а активно интересовался им, по собственному признанию, с еще более ранних времен, к тому же с 1992 г. он исследует русское Приаргунье (левый берег реки Аргунь, Забайкальский край), откуда, собственно, и шло заселение русскими правого, китайского берега Аргуни. И вот плод многолетних упорных трудов ученого наконец перед нами.

В географическом отношении Русское Трёхречье – это “район бассейна правых притоков Аргуни: Гана, Хаула и Дербула”, но автор, следуя своим предшественникам, расширяет его границы в южном направлении, справедливо утверждая, что Русское Трёхречье – это “понятие не столько географическое, сколько историко-культурное” (с. 7). Как пишет В. Л. Кляус, “история русских в Трёхречье – одна из многих трагических страниц в жизни нашего народа. Вынужденное бегство из Советской России в 1920–1930 гг., необходимость обустроиваться на новом месте практически с нуля; жизнь без гражданства, сначала под китайской властью, а затем под японцами, которые заставили в начале 1930-х гг. переселиться в глубь территории практически всех русских, находившихся вблизи границы. И как итог этой жизни – исход из Трёхречья в конце 1950-х – начале 1960-х гг.” (с. 81). В историко-культурном отношении единство Русского Трёхречья закономерно возникло на основе сходных процессов заселения, хозяйственного ос-

воения новых земель и развития традиционной русской культуры. Начиная с конца XIX века русские активно осваивали малонаселенное тогда китайское Приаргунье (правобережье реки), и в результате там сложилась достаточно большая по численности группа населения (до 16 тысяч), называемая “русскими трёхреченцами” или, следуя В.Л. Кляусу, “китайскими русскими”. Некоторая оксюморонность последнего именованья в данном случае вполне оправданна. Сейчас сами они называют себя “полукровцами”, поскольку значительное большинство из них родились в смешанных русско-китайских семьях, сложившихся главным образом в 30-е годы XX века; при этом отцами у них были китайцы, а матерями – русские женщины, по тем или иным причинам оказавшиеся в Китае (по большей части, весьма драматическим).

Традиционная русская культура занимает в жизни и самосознании русских трёхреченцев не менее важное место, нежели в нашем (имеются в виду этнические русские в России). Они искренне любят русские песни (даже если не совсем уверенно говорят по-русски или вообще не говорят), столь же дороги им русские танцы и православные праздники (хотя в христианской догматике они очень не сильны); они-то отчетливо осознают, что без русской культуры их жизнь будет лишена своего изначального смысла, станет какой-то другой, и сами они растворятся без следа. Так что справедливо будет называть их все-таки русскими трёхреченцами или даже “китайскими русскими”, хотя в антропологическом отношении они в лучшем

случае метисы и, разумеется, свободно говорят по-китайски и заимствовали у китайцев многие элементы обрядности (в частности, обычай сжигать на могилах или просто на перекрестках так называемые “похоронные деньги” с огромным количеством нулей, выпущенные Bank’ом of Death, чтобы умершим родным было “там” комфортно и они не испытывали материальных затруднений). Более того, в Русском Трёхречье можно встретить людей, антропологически “чисто” русских, но совершенно не говорящих по-русски; да, собственно говоря, дети современных русских трёхреченцев почти или совсем утратили язык своих русских бабушек и матерей.

Вряд ли какой народ может жить без памяти о своей истории и осознания своего культурного и кровного единства. Последняя идея при своем последовательном воплощении в жизнь чревата реками крови, но русские трёхреченцы выше ее сомнительных интерпретаций и чужды всякого расизма; тем более что в годы культурной революции они сами очень сильно пострадали от того, что считались русскими и, значит, советскими шпионами. Выше этой идеи и автор книги о Русском Трёхречье – В.Л.Кляус. Он исследует именно культуру русских трёхреченцев и избегает даже беглого упоминания о теории примордиализма, но читателям его книги следует все-таки держать ее на краю сознания. Для русских трёхреченцев вопрос об их “крови” – совсем не последний (а в годы культурной революции он был первым). В Русском Трёхречье можно услышать сказанное с легкой самоиронией, скрывающей привычную горечь: “В Китае мы не китайцы, в России – не русские”.

“Русское Трёхречье” – это не Россия, и формально Россией оно никогда не было. Но зародилось оно (в конце XIX в.) как часть русского мира (без уничижающих кавычек) и остается таковым и по сейчас, по крайней мере в лице тех немногочисленных, к сожалению, трёхреченцев, кто сам русский или метис и знает или хотя бы помнит русский язык и русских предков.

Правительство современного Китая, нужно отдать ему должное, всячески поддерживает культуру русских трёхреченцев, как и всех иных национальных меньшинств (сейчас в Китае даже удобнее быть русским, нежели прирожденным ханьцем), но число их неизбежно и неумолимо сокращается, а сама эта поддержка объясняется собственными внутривластными целями Китая (и целями внутреннего этнического туризма в том числе). Китайские туристы в Трёхречье с самым непосредственным интересом и удовольствием

поедают “русские пирожки” (само слово “пирожки” радует их своей экзотичностью на китайский слух), качаются на “русских качелях”, катаются на лошадях и считают своим долгом принять участие в танцах, в которые их непременно вовлекают русские фольклорные ансамбли (зачастую просто матрешечные), выступающие в недавно отстроенном туристическом комплексе села Эньхэ (Караванная). Это село – своего рода культурный центр Русского Трёхречья. Руководство села Караванная буквально не жалеет денег на проведение своего рода “фестивалей” русской культуры. Всё так, но своими для китайских туристов русские трёхреченцы не становятся. Для нас же они все-таки свои, а их культура и история – это неотъемлемая часть нашей большой культуры и нашей трагической истории. Хотелось бы добавить “славной истории”, но к русским трёхреченцам история (и наша, и китайская) почему-то чаще всего обращала свой искаженный безумием лик (см. очерк “Устные рассказы трёхреченцев (о событиях в Тынэхэ в 1929 г.)”). Об этом очень мало кто из русских знает, так же как и о самом Русском Трёхречье. И так же очень мало кто даже из специалистов по русской народной культуре, фольклористов и этнографов имеет хоть какое-нибудь представление о культуре русских трёхреченцев. Книга В.Л. Кляуса эту зияющую лауну и заполняет.

Название книги сопровождается уточнением “Очерки...”. К сожалению, в науке не приняты уточнения вроде “Результаты глубоких полевых наблюдений”, а именно оно лучше всего подошло бы к книге В.Л. Кляуса. Он не просто провел многолетние полевые наблюдения во всех селах Русского Трёхречья (что само по себе дорогого стоит), но буквально сжился с русскими трёхреченцами и стал для них в подлинном смысле своим, если не сказать родным. Благодаря этому ему удалось подспудно создать если не портретную галерею русских трёхреченцев, то их своего рода коллективный биографический портрет, детально описать не только ключевые, переломные моменты их жизни, но и ее обыденное течение, без чего невозможным было бы и решение строго научных задач, объективно стоявших перед автором. Собственно, главная задача могла быть только одна – ответить на вопрос “что было и что сохранилось?”. Сразу можно сказать, что с этой главной задачей (и со всеми “сопутствующими” тоже) В.Л. Кляус справился блестяще, что было весьма и весьма непросто. Он застал традиционную культуру Русского Трёхречья на ее излете (достаточно сказать, что русский язык стремительно уходит из жизни трёхреченцев), и ее артефакты автору пришлось собирать буквально по крупичкам (что он

и сделал), и изо всех сил спешить зафиксировать все доступные наблюдению факты ее живого бытования (это он тоже сделал). Носители русской культуры Трёхречья уходят из жизни буквально на наших глазах и уносят с собой саму культуру. Молодое же поколение русских трёхреченцев все-таки уже более китайцы; в этом нет ничего плохого, но и хорошего тоже нет, по крайней мере, для нашей отечественной науки. “По-хорошему” ей следовало бы заняться изучением Русского Трёхречья лет на пятьдесят-шестьдесят раньше, но, по понятным причинам, это было невозможно. И в этом отношении В.Л. Кляус своей книгой отдает исторически возникший долг отечественной науки перед “общечеловеческим” гуманитарным знанием. (К глубокому сожалению, практика западно-европейской и американской антропологии отправляет исследователей в годичные, как минимум, экспедиции для изучения культуры экзотических народов в нашей науке оказалась неостребованной; научный подвиг Н. Н. Миклухо-Маклая тут, как известно, погоды не сделал.)

Говоря о книге В.Л. Кляуса уже непосредственно как о научном труде, прежде всего нужно отметить его (и труда, и, значит, самого автора) предельные обстоятельность и научный позитивизм. Автор тщательно избегает излишней теоретизации и псевдонаучных выводов, но зато прекрасно подает сам материал во всей его живой и “архивной”, то есть историографической, конкретике. Ему явно пришлось провести очень много времени, работая с архивными материалами, большая часть которых была либо просто неизвестна широкому кругу специалистов, либо остается малодоступной, вроде киноматериалов японских ученых, работавших в Русском Трёхречье в 40-х годах XX века или австралийских изданий. После этого нет особого смысла много говорить о широком привлечении к исследованию источников по Русскому Трёхречью, опубликованных в Харбине в начале XX века, а также отечественных источников того же времени; а о привлечении к исследованию современных публикаций самого широкого тематического диапазона и вовсе не стоит говорить – оно выглядит уже как само собой разумеющееся; собственно, в силу своей тематической специфичности библиография к книге представляет самостоятельный интерес. В результате, книга В.Л. Кляуса обладает таким первостепенным и первоочередной важности качеством, как историографическая полнота и фундированность. Даже в одной этой части она безусловно будет очень интересна квалифицированному читателю: она и вообще написана прежде всего именно для специалистов. В аннотации, написанной автором, показательно не употреблен до-

вольно расхожий оборот об адресованности “широкому кругу читателей” (интересующихся чем-то очень важным, но необъятным). Эта часть аннотации предельно лаконична и точна: “Предназначена для *исследователей* в области традиционной культуры и всех интересующихся *историей взаимоотношений между Россией и Китаем* (курсив наш.—*Рец.*)”.

Архивный и живой полевой материал по культуре Русского Трёхречья продиктовал автору и композицию его книги, в том числе и рубрикации. Представленный материал объективно не позволяет исследовать, например, жизнь отдельных фольклорных жанров, но позволяет говорить о фольклорной традиции в некоем целом, чем и объясняется название соответствующего очерка – “*Русский фольклор Трёхречья*”. Содержание его предельно конкретно и фактографично (в чем и состоит одно из его главных достоинств). Собранные по крупицам фольклорные тексты на первый взгляд характеризуют русскую фольклорную традицию Трёхречья как мозаичную и остаточную, бытовую лишь как рудимент “утраченного культурного рая”. Но они же высвечивают и некоторые фундаментальные для фольклористики вопросы. Прежде всего, это вопросы о том, **что** в фольклорной традиции сохраняет жизнеспособность и по сей день и в какой степени традиционная культура обладает способностью к диффузии с иноэтничной традицией. И здесь трудно не согласиться с выводом В.Л. Кляуса, что «сужение сферы использования русского языка в специфических социально-политических условиях способствовало своеобразной трансформации фольклорной традиции у старшего поколения китайских русских Трёхречья: почти полное забвение традиционной песенной лирики, угасание жанра мифологических рассказов, функциональное ограничение заговорно-заклинательной поэзии, сохранность христианских легенд, длительное бытование сказочного фольклора, что совершенно нехарактерно для современного состояния “материнской” традиции – фольклора бывших казачьих станиц, крестьян и другого населения Восточного Забайкалья» (с. 59). За подобным выводом стоят, как мы уже отмечали, многолетние фольклорно-этнографические экспедиции автора, которые позволили ему, используя в том числе и современную визуально-антропологическую методику исследования, зафиксировать современное бытование русского фольклора в Трёхречье.

Во втором очерке – «*К столетию “Русского дома” в Трёхречье: эволюция ритуалов и мифологических персонажей*» – описывается судьба русских построек (не только самого “русского дома”, но и придомовых построек) в ретроспективе, рас-

смаатриваются ритуалы, связанные со строительством дома, с такими мифологическими персонажами, как домовая, дворовая, банник. С горечью автор констатирует, что “русский дом” и непосредственно как постройка, и как культурный концепт “русского мира” постепенно перестает существовать. Связывает это В.Л. Кляус с “уходом русских из Трѣхречья”: «...когда исчезают люди определенной культуры, то “умирает” и определенный тип дома» (с. 83).

История православия в Трѣхречье, активно бытующая традиция посещения крестовых гор на православные праздники, локальные особенности обрядовой жизни русских трѣхреченцев (празднование Пасхи, Радуницы, Вознесения, Троицы, заговорно-заклинательные обряды) представлены в таких разделах книги, как “Православие в жизни китайских русских Трѣхречья”, “Крестовые горы в культовом пространстве Трѣхречья”, “Микролокальные особенности обрядовой жизни русских Трѣхречья”. И здесь хочется обратить внимание на два момента. Во-первых, несмотря на то что в русско-китайских семьях “происходило и происходит смешение религиозных традиций и обрядовых практик”, все-таки главенство в семье принадлежит ее русской православной “части” (с. 126). И во-вторых, в ситуации иноэтничного окружения православие для китайских русских является консолидирующим началом, идентификатором этнической общности. Сегодня это пока еще так. Что будет дальше – покажет время. Как отмечает В.Л. Кляус, “без официальной институционализации Китайской автономной православной церкви этому православному миру китайских русских <...> трудно будет выдержать конкуренцию с другими христианскими конфессиями и сектами Китая” (с. 127). Думается, не только с ними, но и с традиционными верованиями самих китайцев.

Следующие разделы книги (или – как автор их называет – очерки) посвящены исследованию рассказов русских трѣхреченцев о жизни, истории, языке и культуре старообрядцев, живших когда-то в Китае (“*Старообрядцы Трѣхречья по рассказам китайских русских*”), и о трагических событиях в Тынэхэ в 1929 г., когда отряд ОГПУ перешел советско-китайскую границу и напал на русские села (“*Устные рассказы трѣхреченцев (о событиях в Тынэхэ в 1929 г.)*”). В последнем очерке скрупулезно проанализированы не только устные рассказы, записанные автором, но и газетные публикации разных лет, посвященные данному историческому факту. Скрупулезность эта проявляется в том числе и в виде сопоставительных таблиц разновременных записей от одного исполнителя (см. с. 221–222, 229), и в виде сводной таблицы

публикаций о событиях в Тынэхэ в разные годы и в разных источниках (с. 225–227).

Особый интерес автор исследования фольклорной традиции Русского Трѣхречья проявил к бытованию прозаических жанров (сказок, легенд, мифологических рассказов), объясняя это тем, что «социокультурные особенности жизни метисов и последних русских Трѣхречья во второй половине XX – начале XXI столетия способствовали более долгому бытованию сказок и легенд, чем в “материнской” забайкальской традиции, а также своеобразной трансформации мифологических рассказов» (с. 242). Очерк “*Трѣхреченский Эдип*” как раз посвящен исследованию различных вариантов сказки на сюжет “Кровосмеситель (Андрей Критский)” (СУС 931), представленной в репертуаре русских трѣхреченцев. И опять мы констатируем невероятную исследовательскую скрупулезность автора, позволяющую ему на основании записанных им от разных исполнителей и в разное время текстов показать их (текстов) “значительные расхождения в повествовании при единстве сюжетики” (с. 250). Записи В.Л. Кляуса (10 текстов!) в значительной степени расширяют представления и ученых-сказковедов, и в целом фольклористов о территориальных и временных границах бытования сказок на сюжет СУС 931 в восточнославянской фольклорной традиции.

Нет смысла подробно реферировать здесь содержание и этого раздела и в целом книги В.Л. Кляуса: в ней слишком много ценных наблюдений, подкупающих прежде всего своей исчерпывающей конкретностью, на которые мы опасаемся не обратить внимание читателей. Тут очень кстати будет заметить, что материалом для книги послужили не только записи непосредственно из Трѣхречья. В.Л. Кляус исследует фольклорно-этнографическую традицию Приаргуны в целом, включая и российское левобережье Аргуни, в экспедициях по которому он провел тоже очень немало времени; более того, как этого и следовало ожидать, к исследованию привлечены и сибирские материалы, и материалы из центральных областей России. Трудно поэтому возразить автору (да, собственно, и незачем это делать) на его подытоживающее книгу утверждение, что Русское Трѣхречье – это заповедник русской народной культуры, достойный самого пристального внимания и тщательного изучения.

Стоит, впрочем, несколько задержаться еще на очерке “*Русская и китайская сказки в экспериментальной видеофиксации*”. В нем производится анализ исполнения полукровцем Иваном Васильевичем Васильевым (1921 г.р.), великолепным рассказчиком и знатоком русской народной культуры,

сказок на двух языках: русской – на русском и китайском, китайской – на китайском и русском, причем материалом для анализа служат не только вербальные тексты, но и соотношение текста и жеста (что потребовало кропотливой раскадровки соответствующих видеофиксаций). Содержание очерка, конечно, шире собственно фольклористической проблематики, но и для фольклористики наблюдения и выводы автора имеют большое значение. В частности, мы до сих пор достаточно смутно представляем себе, что происходит с фольклорным текстом при его “перевод” на другой язык в ходе контактов носителей разных этнических традиций. Вслед за автором мы углубляемся в пока еще, действительно, область эксперимента, но, даже будучи вполне предварительными, выводы автора проливают свет на эту проблему.

Также нельзя не отметить великолепные фотографии, сделанные по большей части самим автором, которыми снабжено исследование. Фотографии старых русских домов, крестовых гор, икон, видов Трёхречья, а главное, его жителей визуализируют многие описания и обогащают представления читателей о Русском Трёхречье.

Книга В.Л. Кляуса «“Русское Трёхречье” Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры» посвящена учителям автора – Юрию Ивановичу Смирнову и Виктору Михайловичу Гацаку. Что ж, ученик оказался достоин своих учителей.

Р. П. Матвеева

*Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), Россия, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
rufina1938@mail.ru*

А. Г. Игумнов

*Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), Россия, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
anigumnov@mail.ru*

Е. Л. Тихонова

*Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), Россия, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
tipldk@yandex.ru*

Rufina P. Matveeva

*Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhism and Tibet Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude), 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Buryatia Republic, 670047, Russia
rufina1938@mail.ru*

Andrey G. Igumnov

*Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhism and Tibet Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude), 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Buryatia Republic, 670047, Russia
anigumnov@mail.ru*

Yelena L. Tikhonova

*Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhism and Tibet Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude), 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Buryatia Republic, 670047, Russia
tipldk@yandex.ru*